

Теплые пейзажи Владимира Парошина

В юности он писал стихи. Кто на заре своей жизни не писал стихов! Но затем это стремление выразить себя через стихотворство сменилось непреодолимой тягой к живописи. Пятнадцатилетний сельский паренек из тюменской глубинки решил изменить свою жизнь. Погрузив на велосипед скромные пожитки и самодельный мольберт, Володя Парошин махнул за сотню километров в районную столицу — город Ишим. Первые учителя, первая «проба пера», первое признание. Лет через десять он почувствовал, однако, что чего-то не хватает для дальнейшего роста, что «нужна среда» — по его собственному выражению. И махнул в Москву. Это было ровно двадцать лет назад.

Наверное, все-таки справедливо утверждение, что в этом мире существует некая предопределенность. Одним из спутников молодого, начинающего свой путь в искусстве художника по пути в Москву в одном купе с ним оказался известный московский маэстро-авангардист. Он и порекомендовал устраивать выставки портретов на Малой Грузинской парочку работ своего нового знакомого-сибиряка. В то время тамошние вернисажи пользовались в Москве довольно шумной известностью.

Долгое время Парошин работал то дворником, то в жэковских котельных. «Когда б вы знали, из какого сора...» Не раз участвовал в весенних молодежных выставках на Кузнецком мосту. Вступил в молодежное объединение при МОСХе. А затем, в 1990 году, стал и членом МОСХа. В том же году состоялась и его первая персональная выставка в выставочном зале «Беляево».

А на днях в одном из залов Центрального Дома художника на Крымском валу открылась первая в нынешнем году выставка В. Парошина, на которой представлены в основном картины, посвященные старой Москве. Точнее сказать, той части современной нам столицы, которая уходит или вот-вот уйдет в невозвратное прошлое. Парошин открыто симпатизирует вековым полуразвалинам, московским задворьям с сиротской растительностью среди каменных обшарпанных стен. Казалось бы — чего ради? Где поэзия, ради которой следовало бы браться за кисть или перо мастеру? Но ведь что-то же в этих городских пленэрах задело художника за живое?

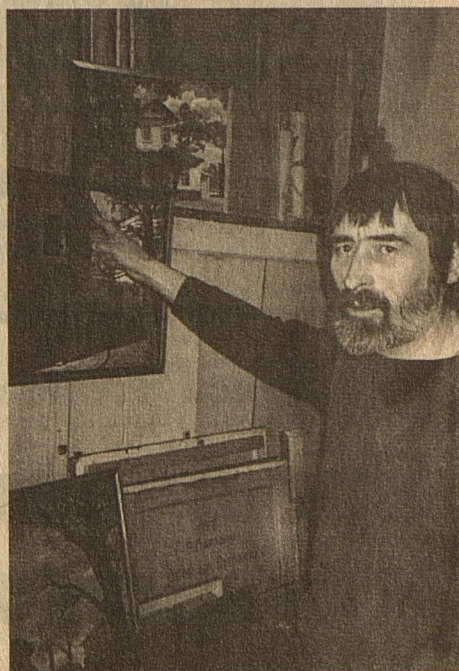
В мастерской художника его полотна живут иначе, чем в официальной обстановке публичного вернисажа. Здесь они, в своей тесной и теплой компании, раскрываются зрителю быстрее и откровеннее. А мастерская — это и квартира В. Парошина.

— Ваша выставка, Владимир Аркадь-

евич, — признание в любви к Москве? Но почему тогда ваша муза ласкает не общепризнанные архитектурные шедевры, исторические памятники, садово-парковые красоты, а ветхие строения? А вы ведь не москвич, чтобы испытывать некую ностальгию по этим доживающим свой век старичкам-полуинвалидам.

Владимир Парошин добродушно отвечает на эту мелкую провокацию коренного москвича:

— Московская старина мне, сельчанину из сибирской глубинки, как-то сразу легла на сердце. Я почувствовал, что вот это — мое направление в искусстве, вполне

Художник Владимир Парошин

вайт меня, вдохновляет. Интерес, который проявляют истинные москвичи, любящие свой город, к моим работам, тоже окрыляет. Когда я в каком-нибудь дворике работаю, люди подходят, интересуются, чем вызван интерес художника к такому непрезентабельному домишке, «черному» входу со двора, столетней арке. И сами расскажут очень много интересного о своем дворе и доме. Поэтому я знаю о Москве много такого, чего ни в одной книжке не прочитаешь. Бывает, приглашают к себе в дом — погреться, попить чаю. Как-то в Столешниковом переулке работал возле дома дяди Гиляя, и из расположенного там кафе его работники — довольно молодые ребята — вынесли мне к мольберту целый обед по полной программе. Угостили бесплатно, сказали, что от чистого сердца, хотя я рисовал вовсе не это кафе.

Этот сорокасемилетний сибиряк с крестьянскими корнями, двадцать лет назад обосновавшийся в Москве, влюбился в те ее милые простому человеку места, куда он может нырнуть с шумного проспекта, отдышаться от суетной беготни, отдохнуть от столетнего шума. Он влюбился в эти замкнутые каменные дворы-колодцы, маленькие государства-родины, которые уже стали для многих москвичей предметом ностальгии по далекому детству, юности, любви, грустным воспоминанием об ушедших близких, друзьях, соседях. На полотнах Владимира Парошина Москва с ее старыми Соляной, Маросейкой, Сретенкой, Таганкой — теплая, родимая.

Виктор ПЕСКОВ
Фото автора

Репродукция картины «На Петровке»

реалистическое. Ну а второе направление основано на моих фантазиях, сновидениях, воспоминаниях — ближе к сюрреализму.

— Вас вдохновил поленовский «Московский дворик»?

— Отчасти да. Но я никому не подражаю и ни к какому течению себя не отношу.

— Ваша выставка о старой Москве специально подготовлена к 850-летию?

— Эта тема меня занимает уже давно. Она, если так можно сказать, подпиты-

Беч Москва - 1994 - 22 нр. - с. 3.

Парошин Владимир
в.04.94